

Титов Николай Павлович

Неправдоподобные рассказы

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Павлович Т.**
Неправдоподобные рассказы: Том 2 / Титов Николай Павлович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 364 с.

ISBN 978-5-519-76775-0

ISBN 978-5-519-76775-0

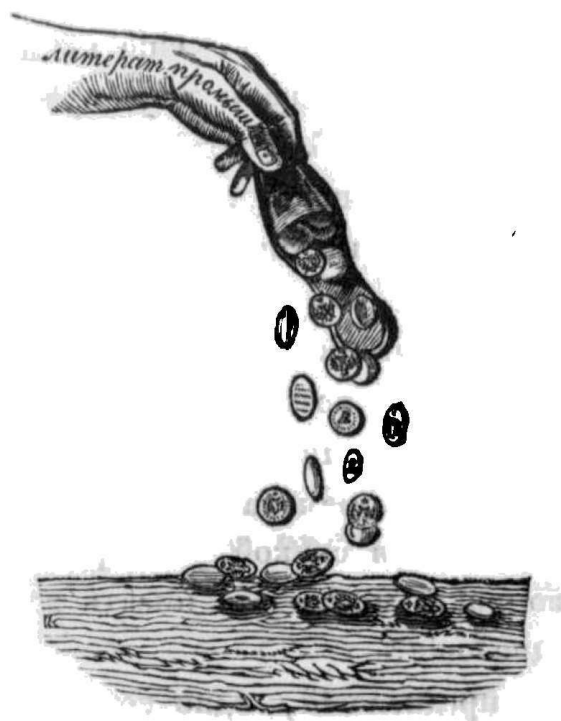
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Учитель Словесности какъ-то воскликнулъ съ своей кафедры: «Domine Каталкинъ! что есть предисловіе?» повѣса сталъ въ тупикъ, опустилъ глаза въ землю, и въ ожиданіи пока подскажутъ, рвалъ клочекъ бумаги. Насмѣшливый школьникъ шепнулъ: «предисловіе есть скука, предшествующая реторическому классу». Спрошенный повторилъ эти слова твердымъ голосомъ, и остался—безъ послѣдняго блочка.

Чичероне, покорныйшій слуга вашъ, сдѣлалъ себѣ этотъ вопросъ, еще въ первомъ томѣ настоящаго вздора и тогда уже сталъ въ пень, не имѣя благодѣтельнаго сосѣда, который могъ бы шепнуть ему въ ухо. Въ послѣдствіи времени, онъ однако придумалъ что: предисловіе есть скука, предшествующая дремотѣ, наводимой всякой литературной галиматьею; и потому въ «Бимбашѣ» избавилъ и себѣ и читателей отъ такого увеселенія. Но какъ дремота необходимо должна сопровождаться скукой, то представился другой вопросъ: можно-ли писать вздоръ — безъ предисловія?

Изо-ста предисловія, одно встрѣтите вы достигающимъ цѣли; девяносто девять ничто какъ галиматьѣ—разгульное поле литературнаго хвастовства, гдѣ всякій ляжетъ и чванится вдоволь—это разгульное поле, гдѣ давно извѣстная школьная истина, заключающаяся въ трехъ словахъ риторическаго періода, разлагается, растягивается на предлинныя страницы. Есть предисловія, которыя приставляются къ чужому сочиненію, какъ новый бархатный воротникъ къ попошенному фраку. Наконецъ предисловіе есть отчаянное, послѣднее средство голоднаго автора, у котораго въ книгѣ только десять печатныхъ

VII

листовъ, тогда какъ по заказу книгопродавца, заплатившаго задатокъ, должно быть двѣнадцать.

Разлагая смыслъ этого слова, мы находимъ, что предисловіе должно быть въ началѣ сочиненія—оно есть авангардъ бредней, которыми командуетъ авторъ; но если войско разбито и отступаетъ въ безпорядкѣ, то батальоны авангарда очутиться могутъ въ серединѣ колонны.

Говорятъ нѣтъ ничего ужаснѣе для самолюбія, какъ неудача на скользкомъ поприщѣ Словесности. Чичероне такъ счастливъ, что не испыталъ этого горькаго чувства; ударъ ему нанесенный получилъ другое направленіе. Чичероне жестоко взбѣсился, когда книгопродавецъ отвергъ его прелестную рукопись, какъ товаръ негодный — который не можетъ быть пріобрѣтенъ покупкой; Чичероне жестоко взбѣсился — ему не удалось провести книгопродавца.

Въ каминъ, проклятыя тетради! шутка ли! деньги брошенные на бумагу, на переписку, на пересылку — все вы г. корректоръ—желаю и вамъ подобнаго успѣха, на зло непреложности вашего правописанія. Въ каминъ, проклятыя тетради! .

VIII

И точно рукопись была разложена для всесозжеиі; огонь свѣчки почти касался Бимбаша; торжественное *auto da fé* должно было совершиться въ глазахъ корректора, подъ самымъ его носомъ. За-чѣмъ нелегкое принесло тебѣ хлопотливый корректоръ, за-чѣмъ очутился ты въ эту минуту вмѣстѣ съ Чичероне? за-чѣмъ отнялъ у него свѣчку и выхватилъ Бимбаша изъ камина; за чѣмъ ему толковать, что книгопродавецъ не могъ взять этого вздора, потому что имя автора неизвѣстно, и на его произведеніи нѣтъ клейма одобренія литературо-промышленниковъ (*les assa-rageurs*), опредѣляющихъ что за такой-то печатный листъ можно платить столько-то, разойдется экземпляровъ столько-то, и за тѣмъ имъ, т. е. гг. литературо-промышленикамъ барыша—столько-то.

Безбожный корректоръ! ты опять заса-дилъ Чичероне за глупыя тетради—ты толка-ешь его подъ бокъ, приговаривая: книгопро-давецъ ушелъ—авось не уйдетъ Публика. Одинъ ты совѣтуешь печатать и вызывать на неиз-вѣстную голову жало рецензіи, когда оной угодно будетъ снисойти на сіе; совѣтуешь, въ случаѣ нужды, употребить то же оружіе—пло-щаднымъ образомъ насмѣхаться надъ плоски-ми колкостями, или какъ котъ васька—за-

браться подъ печку и въ тихомолку класть въ карманъ деньги за продажу экземпляровъ—*sine qua non*—когда они станутъ продаваться. Весь грѣхъ на тебя корректоръ; Чичеро не противъ воли опять взялся за перо, рекомендуя гг. читателямъ г. Каташкина, а между тѣмъ для вождѣннаго настоящаго года желалъ бы подарить имъ—хоть предисловіе.—Рѣка Воронежъ — не городъ Воронежъ — тихо гуляетъ по цвѣтущей долинѣ многими рукавами; частыя селенія, по склонамъ живописныхъ пригорковъ, глядятъ изъ-за зелени дубовыхъ и сосновыхъ рощей; межъ которыхъ желтый цвѣтъ песчаной дороги тоже что карминъ свѣжихъ губъ на бѣлизнѣ осьмнадцатилѣтняго лица. Какой это городъ красуется за рѣкой, на полугорѣ, съ тремя зелеными холмами? Липецкъ, господа, Липецкъ! —игрушечка городъ, такъ-бы его и схватилъ, такъ-бы и поставилъ на столъ въ кабинетъ, когда заведусь кабинетомъ, такъ - бы и поставилъ на столъ, какъ миниатюръobeliska или колонны. Это мѣсто такъ хорошо, что все собой украшаетъ и улучшаетъ, красить некрасивыхъ провинціалокъ; улучшаетъ даже самыя тамошнія минеральныя воды, или воду съ ощутительнымъ растворомъ желѣза и неощутительной примѣсью какого-то под-

разумѣяемаго газа. Самую даже минеральную воду находятъ тутъ весьма полезною—тсъ—Чичероне!—ни слова о пользѣ водъ; за чѣмъ связываться съ Медициной — и дразнить Эскулаповъ.

Въ концѣ іюня какого-то тридцать и прочаго года, трое старинныхъ пріятелей очутились, почти въ одно время въ Липецкѣ, съ трехъ разныхъ сторонъ: съ береговъ Куры, Днѣстра и Невы. Разумѣется они тутъ столкнулись и остановились пожить и отдохнуть: отъ усталости неудобной дороги, полечиться отъ здоровья, повеселиться—потолковать на просторѣ.

Понедѣльникъ шелъ чинно на смѣну воскреснаго дня, выпроваживал его въ вѣчность. Освѣщеніе Липецкой деревянной галлерей, въ саду, гдѣ минеральныя воды и куда собирается публика на заплаченные балы, освѣщеніе галлерей вмѣстѣ съ туалетомъ женщинъ, уже теряло первоначальную свѣжесть; нетанцующіе мужчины доигрывали вторую пулю или глазѣли; старухи провинціалки или дремали, или ткали сплетни; усталыя ихъ дочери, пріѣхавшія лечиться отъ безбрачнаго состоянія, дѣлали томные глазки вчерашнимъ знакомымъ подъ звуки франсезы утомленныхъ музыкантовъ. За недостаткомъ шпоръ, звѣѣли въ

боковыхъ комнатахъ столовые приборы и рюмки, и нескромная ранняя пробка, стукнувъ въ потолокъ, упала межъ трехъ пріятелей, ужинавшихъ за маленькимъ столомъ противъ, отвореной въ галлерей, двери. —

«Да ты что-то долго зажилъ въ Бессарабін; мы въ Петербургѣ часто объ тебѣ вспоминали.»

— Будто не знаешь, что я сдѣлалъ всю Турецкую войну, и послѣ того не выѣзжалъ изъ за Днѣстра. А что, какъ въ Петербургѣ? —

«Какъ? такъ же какъ и прежде—та же Нева течетъ въ то же Балтійское - Море. Какой сквѣрный ужинъ; что за комната!»

— Вышло по моему—развѣ этого тебѣ не говорилъ, то-ли дѣло у насъ на Югѣ. —

«Началъ объ Югѣ—ради Бога не развѣвай рта—ты роково. Объ чемъ задумался нашъ Закавказецъ? — вѣрно вспоминаешь какую нибудь дѣву горъ; позвольте узнать кто была она такая, Лезгинка или Осетинка, или Чухонка?»

— А братецъ! все одна сволочь—проваль возьми этихъ запачканныхъ женщинъ! Я не задумался—а просто всматриваюсь; мнѣ любопытно знать кто этотъ несносный? — ну вотъ видишь бѣлокурый мужчина, во второй парѣ. Ну какъ ты не видишь, онъ уложилъ

голову почивать на свое правое плечо и будто падаетъ на спину; отъ него брать нѣтъ нигдѣ прохода.—

«Нашель—заснетъ такая голова; онъ и мнѣ надоелъ какъ горькая рѣдка. Какое мнѣ дѣло, что онъ здѣсь третій курсъ сряду; что прошлаго года онъ выигралъ нѣсколько тысячъ, и что третьяго года за такой-то хорошенькой волочился такой-то; а такой-то женился и взялъ за ней столько-то душъ.»

— То-то провинціалы—*mais c'est un de ces badeaux, qu'il faut payer au poid de l'or.*—

«Ужъ ты столичный Денди, что въ немъ хорошаго?»

— Гм — онъ все знаетъ; всѣ вещи, всѣ лица, всѣ происшествія, сплетни, сканда-лы—все это, за нѣсколько лѣтъ сряду — все это у него на пяти пальцахъ; и во всякое время дня и ночи найдешь его здѣсь или въ трактиръ—это здѣшній Чичероне. —

«Какой-же тамъ трактиръ—трактиръ похожій на кабакъ?»

— И Чичероне по трактиру. —

«Какъ такъ?»

— Кабачный Чичероне. —

«Воля ваша, господа, а не благозвучно и вмѣстѣ съ тѣмъ не благопристойно; но если непременно должно соединить эти два слова—

ХІІІ

то надо говорить или выговаривать: Чичероне дель-Каббакко.»

— Bravo! Чичероне дель-Каббакко!

Au diable le Cicerone! Гей! еще бутылку!

Послѣ этого разговора, три пріятеля начали разсматривать въ Липецкомъ Чичероне существенную его цѣнность. Чичероне сдѣлался для нихъ необходимъ какъ живая газета ежедневно передававшая новости, сплетни и ссоры, безъ которыхъ человѣческій родъ обойтись не можетъ и которыя, при однообразной жизни и леченіи на минеральныхъ водахъ, между прочимъ, столь оживляютъ день человѣка. Послѣ вечерняго гулянья, Чичероне обыкновенно являлся къ нимъ какъ лихорадочный пароксизмъ, и въ замѣнъ дневнаго донесенія подавали ему: два стакана чаю и три Гаванскихъ сигары.

Въ наше время когда люди столь рано, увы! начинаютъ жить, испытывать и страдать, въ нашей матушкѣ Россіи, покрывающей собой столь огромную часть материка планеты, гдѣ людскій швыряетъ, какъ будто ничего не бывало, изъ - подъ 30° жара въ тѣни подъ 25° холода на солнцѣ; въ наше время и въ нашей матушкѣ Россіи, стѣнитъ только осмнадцатилѣтнему юношѣ, покинувшему школу и предоставленному самому

себѣ, стоить только описывать каждой свой день въ выраженіяхъ самыхъ короткихъ, простыхъ и непіитическихъ. По истеченіи осьмнадцати или двадцати лѣтъ, вы можете увидѣть два весьма любопытныя явленія: чело-вѣка тридцати - шести лѣтъ изломаннаго, физически изношеннаго, состарѣвшагося гораздо ранѣе положеннаго срока въ нравственномъ отношеніи; вы увидите также толстыя тетради, гдѣ будетъ много занимательнаго, піитическаго, не смотря на краткость, простоту и даже сухость разсказа. Ужели кипа запыленной бумаги поглощаетъ, ранѣе времени, молодость и чувствительность чело-вѣка? Говорять этого прежде не было; испорченность вѣка! вопіють многіе. Наши прадѣды, говорятъ они, въ шестьдесятъ лѣтъ были здоровѣе и веселѣе чѣмъ вы господа, въ тридцать пять, на вашихъ хрустальныхъ кожахъ. Но позвольте спросить: многимъ - ли изъ нашихъ прадѣдовъ случалось измѣрять житейскіе и негромкіе переходы и переезды — градусами земнаго шара. Наука еще не рѣшила: въ какой степени притупленіе чувствительности дѣйствуетъ на организмъ чело-вѣка; наука еще не рѣшила: въ какой степени разширеніе круга мышленія и безпрестанное разнообразіе или быстрые, такъ